

КНИГА
В
ДРУГ
18+

Тиана Каракада

БАЙКИ ЛАБУХА

Тиана Каракада

Байки лабуха

«Издательские решения»

Каракада Т.

Байки лабуха / Т. Каракада — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986513-7

Владимир — музыкант из небольшого городка — играет в ресторане, на свадьбах, юбилеях и попадает в истории. Мчится в неуправляемом автобусе, запускает ливень и даже вступает в конфликт с немцами. «Байки лабуха» — это курьёзные случаи, из которых главный герой и его друзья умудряются выходить сухими из воды. Но всегда ли?

ISBN 978-5-44-986513-7

© Каракада Т.
© Издательские решения

Содержание

Байки лабуха	6
Пролог	6
А слабо, выпить стакан водки?	7
Фиш – бир	10
Коротня	13
Вилы в бок	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Байки лабуха

Тиана Каракада

Дизайнер обложки Марьянна Рамазановна Беканова

© Тиана Каракада, 2020

© Марьянна Рамазановна Беканова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-6513-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Байки лабуха

Пролог

Я познакомилась с Володей в нелёгкий период его жизни. Володя приходил, я открывала дверь, ни о чём не спрашивала. Иногда он приносил хлеб, иногда в его руках белела бутылка. В те дни он пил неизвестно с кем и неизвестно где, и в состоянии «а-мне-по-барабану» попадал в истории. Поэтому я предложила Володе после работы заходить ко мне.

Мы часто сидели на кухне, и он, чтобы забыться, рассказывал о своей жизни – жизни музыканта, вернее, как он себя называл, лабуха¹. Герои его занятных историй рисовались передо мной, как живые. Некоторые из них мне удалось записать.

---

¹ Лабух (*жарг.*) – ресторанный музыкант исполняющий произведения различных жанров по заказу посетителей. на заказ.

А слабо, выпить стакан водки?

Время отправления ровно в пять, так сказал Трофимыч. В пять так в пять. Дорога предстояла долгой, чтобы не заскучать, каждый взял или домашнее вино или водочку, кроме девчонок, естественно. Когда Трофимыч вышел из Дома культуры с кипой бумаг, мы с Филиным, согнувшись, уже тащили синюю баклажку, свою долю, литров этак на тридцать. Наконец и эту канистру поглотило брюхо ЛАЗа. Последние «пока-пока», и все стали заходить в автобус, те, кто ехал с концертной программой: девушки-танцовки, вокальная группа «Снегопад» и ребята из группы клоун-шоу.

Тронулись.

– Ну, с богом! – это Трофимыч. Обернулся и строго так предупредил: – Чтобы до Слободзеи ни грамма!

Он директор, ему так положено.

До Слободзеи минут тридцать, кто ж выдержит? Костя, наш водитель, медленно вырливал по тесным улочкам города, и только повернул на трассу, как в автобусе утвердительно грянуло объявление:

– Слобод-зеее-я-а-а!!!

– Ребя-я,... – потонул в общем смехе слабый протест Трофимыча, и лишь возмущённый голос второго водителя бесполезно метался по автобусу надоедливой мухой. Он, безусловно, произвёл впечатление, этот новый водила, в костюмчике, в галстучке, наглаженный, выбритый, слишком правильный.

– Да, ладно, Витёк, не дрейфь, – кто-то успел узнать имя зануды. – Всё нормально! Не первый раз!

К тому же пробка у баклажки уже раскручена. Витёк ругается, что мы вино разливаем, но никто его не слушает.

– Давайте, ребята, давайте!

– Девчонки, вам наливать? Ну, как хотите!

– За лёгкую дорогу!

И понеслось! Как проехали Слободзею, не заметили. Анекдоты, шутки.

– Ха-ха-ха!

– Гы-гы-гы!

Трофимыч пересел в машину с начальством. Он директор, ему так положено. Но на остановках приходит к нам. Наверно скучно ему ещё с начальниками. Трофимыч в недавнем прошлом тоже ездил с нами, лабухами, по свадьбам, играл на своей гармошке. Сейчас пытается руководить.

– Трофимыч, держи стакан!

Это Филин из клоун-шоу. Его все любят, он обаятельный, и отказать ему невозможно. Бывает, рано утром после очередной халтуры я ещё сплю, приходит Филин:

– Вовчик, пиво хочешь?

– Нет.

– А будешь?

– Да!

Трофимыч тоже не в силах отказать. Так и едем. Уже темно. За рулём новый водитель, хоть и враг алкоголю, но дело своё хорошо знает, автобус идёт плавно, и постепенно все затихают, засыпают, свет гаснет.

Утром мы на месте. Разбираем свои вещи, а синей канистры с вином нет. Куда же она подевалась?! Мы расстроены, но делать нечего – сейчас у всех другие задачи. Репетиция, вечером – концерт. Это уже серьёзно, у нас всё на высшем уровне, не смотрите, что из маленького

городка. Выступление проходит на ура, зрители довольны, начальство довольно, даже Трофимыч доволен, хоть в заключение и поставил кляксу своей скомканной речью.

Местные приняли нас очень хорошо, накормили вкусно. Все устало разбрелись по комнатам и, что называется, отрубались. Утром – ехать, а водителей нет. Мы туда, мы сюда, время поджидает, нет их. Всю базу обыскали. У Трофимыча «пенсне» раскалилось, бегают весь красный. Он директор, ему так положено.

Я – к поварихам, те в курсе.

– Так они ж с нашими... как сказать?... девчатами всю ночь гуляли, песни пели. Неужели не слышали? Там, в коттедже за забором.

– И Витёк?!

– А мы знаем, как их зовут?

Точно, в коттедже, спят мертвецким сном. Стали приводить в чувство. Костю еле растолкали, только и успел сказать:

– Ребя, канистр ру не забудтть е... вашу..., – И «сознание потерял». Мы на заднее сиденье эти «тряпки» закинули, пустую канистру – рядом.

А Витёк покрепче оказался, умылся, побрился, снова весь из себя такой стал... зануда, словом, а у самого руки трясутся! Упал он в наших глазах, даром, что в галстук.

Едем.

Девчонки-танцорки притихли, опасаются конечно. Витёк этот с туманом в голове, но делать нечего, вечером снова концерт, а ещё доехать надо, так что Витёк рулит.

Филин смотрел-смотрел на его похмелье и говорит водиле:

– А слабо, выпить стакан водки?

– А наливай!

Филин не стал ждать наши протесты, налил. Мы и сообразить не успели. Витёк, не сбавляя скорости, взял стакан обеими руками, развернулся к нам, притихшим в автобусе:

– Ну, держитесь! – И медленно пьёт, бережно так, чтобы не разлить.

А автобус едет.

Мы напряжённо ждём. Дорога-то не простая, некрутой такой серпантинчик, справа скала, слева спуск – внизу река. Витёк отдаёт Филину стакан и – ну куражиться! Крутит баранку и, подражая Папанову, поёт:

– «Я у-устрeтил вас...»

Автобус – вправо, влево.

Потом, глянув в окно, увидел у реки стадо коров, и серьёзно так:

– Оу, олени появились.

Ленка, сидящая впереди, вцепилась в трубу, костяшки на руках белые, он подмигнул ей и... выдернул баранку руля!

– Ой, сломался... – повернулся в салон, руль показывает, мол, что делать? Издевается.

А автобус едет. Сам по себе. Даже Филин занервничал.

– Вставляй уже!

Да не тут-то было! Руль не вправляется!!! Догадываемся, что теряет Витёк контроль над ситуацией. В автобусе тишина, только слышно, как мотор работает.

Ну, чувствуем, тащит нас в сторону, к уклону, уже по встрече едем. Все замерли, дыхание перехватило, в мозгу струна натягивается «а-а!»... сейчас лопнет... все на старте... Время остановилось... И за секунду до общего крика и паники – щёлк! – вставил баранку. Вырулил! Ху-у-у... Выдохнули. У Витька на лбу – испарина, отрезвел дурачина, остановил автобус. Дрожащими руками сорвал галстук, выбросил в окно, уронил голову на руль.

Мы на ватных ногах спустились по ступенькам автобуса.

Подлетел Трофимыч:

– Вы что творите?! Виктор Степаныч, достали они вас? Автобус носило по всей дороге!
Ну, я им покажу! Я вас... я вам...!
Кричит, грозитя, подпрыгивает. Он директор, ему так положено.
Мы молчим. Все, и даже девчонки, нервно курят.

Фиш – бир

– Налъешь чего-нибудь покрепче?

Володя зашёл ко мне поздно, прямо из кабака, где подрабатывает по субботам. Живёт он в доме напротив, и, бывает, по пути заглядывает на огонёк. Я люблю такие вечера. Хоть он парень и непростой, ничего не попишешь – лабух, но мне с ним интересно, тем более что со мной Володя ведет себя вполне прилично, я бы даже сказала, деликатно. Думаю, приходит он ко мне, чтобы посидеть в тишине, отвлечься от суеты дня, остыть от шумной работы и, в конце концов, спокойно выкурить сигарету. Меня же увлекают побасенки, которыми полна его жизнь. Рассказчик он талантливый, и лично я могу слушать Володю хоть всю ночь, что иногда и случается.

Приглашаю его на кухню, наливаю в большую чашку крепкого, как он любит, чаю и, пододвинув пепельницу, сажусь напротив. Всмотриваюсь в усталое лицо и вздыхаю, похоже, сегодня ему не до беседы. Такое бывает, когда выдаётся особенно тяжёлый вечер. Ну, ладно, смиряюсь, пусть отдыхает.

– Ты же знаешь, Филин – из «дураков», – говорит Володя после первого глотка. – С ним не соскучишься. А на выездных концертах тем более.

И я замираю от предчувствия новой истории.

«Дураками» в нашем узком кругу уважительно называют ребят, которые однажды придумали себе клоунские маски, и с тех пор сочиняют потешные репризы и радуют зрителей. Выступления дураков в городском ДК всегда проходят на ура. На гастролях у них бешеный успех, – ещё бы! – ведь они нисколько не уступают в мастерстве популярной группе Маскишоу.

– Слушай, а почему он Филин?

– Фамилия у него – Савенко. Поначалу в школе дали кликуху Сова. Но, как-то не пришло. А вот Филин – да! В самую десяточку. С тех пор по имени его даже мама не зовёт. Подозреваю, многие и не знают, что он Вадик.

Я представила нашего друга. Филин – детина ого-го! Хотя у него крупные руки и длинные ноги, выглядит он как Аполлон, всё в нём гармонично. Филин – блондин. Тяжёлые густые волосы падают на плечи, волной укладываются в чёлке. Небольшие светлые глаза – то серые, то с зеленцой – хитро посматривают на вас. Толстые пунцовые губы то и дело шевелит усмешка. Он, вероятно, походил бы на русского богатыря, если бы на его худощавом лице не красовался, словно выточенный из камня, приличный шнобель, он-то в сочетании с крепким подбородком и наводит на мысль о суровых викинггах. Но Филин не воин, он очень добрый, таких людей я мало встречала на своём веку. Может быть, поэтому в нашем городе любой, кто старше четырёх лет, знает и любит его. А с кем бы Филин ни знакомился в других краях, все сохраняют о нём самые тёплые воспоминания, передают приветы и рады видеть его снова.

Володя потянулся за плациндой, откусил, зажмурился от удовольствия, отхлебнул из чашки, расслабился.

– Хороший чай! И вкусно, и полезно, не то, что водка. Послали нас тогда далеко! Аж в Германию. В ГДР, конечно. В плане культурного обмена. Поехали ВИА «Снегопад», то есть я и ребята, девчонки из подтанцовки и «дураки». Прибыли, помню, в Боксберг – город на земле Баден-Вюртемберг. Поселили в каком-то молодёжном центре в гостиничку. Утром мы с Филиным вышли из комнаты принять водные процедуры, а навстречу нам – йо-оо! – три голых немки выходят из душа.

– Зашибись! – вырвалось у меня похожее слово.

– Доннерветтер!² – вылетело из Филина.

У девиц из одежды только полотенца в руках. Идут свободно, нисколько не стесняясь; на нас, парней ростом чуть ли не под два метра, умудряются смотреть свысока. Не сказать, что мы такие уж скромники, да и профессия обязывает, но тут не знаем, куда глаза деть, готовы сквозь землю провалиться! А те на своём – блям-блям, смеются над нами, кривят губы, словно мы из дремучего Средневековья. А у самих, как говорится, ни рожи, ни кожи, было бы, что на показ выставлять. Заходим в душевую и там понимаем, – она у них общая: и для мужиков, и для фрау. Сталкиваемся с парнем. Тот тоже в чём мать родила, и нам по его шванцу³ хорошо видно, что никто его не волнует, и ему очень даже привычно вот так перед людьми ходить. Важный такой, будто голый король перед народом.

Спустились в кафешку. Там уже все наши собрались, веселятся, видно тоже немецкими ну любовались. За соседними столиками молодые аборигены поглядывают на нас с осуждением, заносчивые, словно не они только что голышом по коридору дефилировали.

– Да ну их! – отмахивается Пашка – генератор идей и главный над «дураками». – Мы ж в Германии, ребята! Пошли, пиво закажем!

И через минуту наш стол украшают пол-литровые кружки с тёмным тягучим напитком. Жаль, что на неметчине нет хорошей закуски. Здесь не поешь нормального салата, помидора или зелёного лука – всё ошпаренное, варёное, безвкусное, уксусом залитое. Только смотрим, а наши девушки несут какие-то промасленные бумажные свёртки, разворачивают их на столе, пищат:

– Сюрпри-иззз!

И перед нами открываются две копчёные рыбины! Здоровенный лещ и весьма приличный толстолобик. Свежие, жирные! Бока переливаются бронзой. А запах такой, что мы от наслаждения закатываем глаза и раскатываем губы. Дрожащими голосами благодарим девчонок:

– О-о-о!

– Ого-о!

Не торопясь, насколько это возможно, отрываем длинные полоски мякоти, откусываем от них кусочки, которые вкусно тают во рту, и запиваем всё это холодным крепким пивом! Вот оно! Мммм! И снова – кусочек рыбки...

– А дальше что? Что немцы? – нетерпеливо отвлекаю Володю от незабываемого наслаждения. Тот отодвигает пустую чашку:

– Чай – это тебе не водка. Чай – это полезно! – Потом прикуривает «Дойну», затягивается и, медленно выдохнув дым, продолжает:

– Немцы! Разве они понимают?! Для них копчёная рыба – фу! Принимаются, дёргают презрительно ноздрями. И тут мимо нас проходят двое военных.

– Шайзе!⁴ – говорят фрицы и свои немецкие носы в сторону воротят.

А Филин услышал, он знал это словцо с третьего класса. Он недовольно выстукивает ритм ногтями по столу, и поёт сквозь зубы:

– «Дойче зольдатен, унтер официрен!»⁵ Ну, сейчас я вам устрою шайзе! – И, широко улыбнувшись, кричит: – Ком цу мир, камарады!⁶ – И руками машет, идите, мол, сюда, гансы, садитесь. Те поняли, не отказались. Филин сразу перед ними – пиво: – Угощаю, битте!

– Я, я, – кивают головами. – Зер гут!

---

² Доннерветтер – Donnerwetter (нем.) – гром и молния! чёрт возьми! чёрт побери!

³ Шванц – хвост, тут в смысле...

⁴ Шайзе – DieSchaisse (нем.) – грязь; здесь жарг.: дерьмо и т. п. грубые слова.

⁵ «Дойче зольдатен, унтер официрен» – слова из фашистского марша, немецкой песни «WenddieSoldaten / durchdieStadtmarschieren...»

⁶ Ком цу мир, камарады – Komm [en] zumir, Kamraden! (нем.) – «Идите ко мне, друзья!»

– Вот зер гут! Смотри! – И Филин начинает учить немцев, как правильно пить пиво. – Сначала рыба, потом пиво. Фиш, потом пиво. Ферштейн? Ясно? Что я, я? Фиш – бир, фиш – бир... Что тут непонятного?

Филин демонстративно громко смакует ароматного леща, запивает пивом. Закончив учения, протягивает своим пленникам прозрачные янтарные кусочки:

– На! Ешь! Дойче унтер официрен! Ничего-то вы в пиве не петрите. Учить вас надо! Запомнили? Фиш – бир, фиш – бир... У нас любой ребёнок знает...

Те крутят носами, но, то ли из вежливости, то ли, чтобы на шару выпить побольше пива, берут таки рыбку и, зажмурившись, отправляют в рот. Ну, а дальше их было не остановить. Быстро это дело раскусили.

– Что, хорошо? – подмигивает им Филин.

– Я, я, натюрлих!⁷

– Карашо!

Через полчаса, немцы уже стучат кружками по столу и требуют пива для всех.

– Филин! Камрад! – кричит один.

– Ихь либе дихь,⁸ Филин! – лезет обниматься другой.

Кто-то из наших принёс водку...

И вскоре мы обнимаем друг друга за плечи, раскачиваемся из стороны в сторону и поём: «Рас-цвета-али яблони и груши!..»

К нам подсаживаются другие немцы, среди которых и те три фройляйн, и тот «король»; и Паша, смеясь, переключает нас на «Ах, мой милый Августин». А дальше – капут! – как отрезало.

На второй день мы с Филиным всё вспоминали, а не натворили мы чего-нибудь по-нашему, так сказать, по-русски. Но, когда в коридоре снова встретили голых девушек, те заулыбались и подняли большие пальцы.

– ?!

– Большие! А не средние! Люкс, значит. Лопочут:

– Фиш – бир, фиш – бир!

– Руска рыбка карашо!

– Руска водка – Филин – во!

– Здорово! – смеюсь я и наливаю Володе ещё чаю.

– Вот это я понимаю! Чай! Хороший напиток. Полезный! – громко хвалит Володя и отпивает. Не высовывая носа, косит в чашку грустными глазами и, вздыхая, бормочет: – А водки у тебя нет?

---

⁷ Я, я, натюрлих – Ja, ja, natürlich (нем.) – Да, да, конечно!

⁸ Ихь либе дихь – Ich liebe dich (нем.) – Я люблю тебя.

Коротня

– Жители Коротного – удивительный народ, – начинает Володя.– Лично я этих людей не понимаю. Ты только послушай. Едем мы вчера из города. Уже густые сумерки, а тут Коротное. По дороге справа чуть вдалеке идёт рынд⁹. Коровки, сытые и довольные, не спеша вышагивают домой, отмахивают хвостами комаров. Время от времени хозяин какой-нибудь коровёнки или жена его, или ребятёнок встречает свою бурёнку и направляют во двор.

Только мы подъехали к этому перекрёстку, как справа чуть ли не под колёса из темноты выныривает на велосипеде молодуха. Впереди на раме у неё сидит крошка, сзади на багажнике – мальчишка лет пяти, в руках у неё прут, и бьёт она этим прутом корову, гонит ту через дорогу прямо у нас перед зажжёнными фарами. Влево – на встрече рейсовый автобус, прямо – корову собьём, та уже на дорогу выбежала, вправо – велосипедистку безмозглую. Вот не приведи господи в этот час чужеземца какого занести в это село! Но мы-то знали, что такое Коротное, потому еле тащились. Так что все живы, хоть и пришлось резко тормозить, биться головой о стекло и кричать: «Вот Коротня!!!»

– Знакомая картина! – киваю я.

– А недавно занесло Вальтона в Коротное к тётце. Та его накормила, стаканчиком вина – не больше! – угостила и передала своей дочке немного денег на какую-то покупку, да торбу с продуктами, да баклажку с вином. Вальтон на свой мопед прыг и поехал по селу. Уже далеко больше половины села позади. Вдруг из густых молодых вишен, что растут вдоль чьего-то забора, выдвигается широкая доска (такое впечатление, что сама!), размахивается и – тресть! – Вальтона по морде (прости, по-другому не скажешь)! У того всё и померкло.

Приходит он в себя. Мопед трещит – работает, колесо крутится, рядом никого. Вальтон – лап-лап – деньги, торба на месте, даже вино. Сам целый, не побитый, только от удара нос хлопает, глаза заплывают, на лбу шишак, а так ничего, нормально. Спрашивается – с чего?! «Коротня!» – орёт в сердцах Вальтон в пустоту улицы и едет назад к тётце лечиться.

– Что творится в головах у этих коротнян?! Непонятно.

– А как мы играли в Коротном свадьбу, я не рассказывал? В селе играть свадьбу ой, как непросто – там свои заморочки-обычаи. К тому же есть, как и везде, достоевские, те, кто или чем-то недовольны, или чего-то хотят. Ну, например, спеть под пьяную слезу жалобную песню невесте, когда все пляшут, или поучить музыкантов, как играть, или схватить микрофон, который стоит половину его дома...

Установили аппаратуру, отыграли для начала несколько песен. Мимо нас туда-сюда ходит молодой здоровый мужик. Он в синем, непривычном для него костюме, он в новой белой рубашке, он в галстук на бок! Он – доверенное лицо хозяина! Приносит из погреба графин с вином, следит, чтобы стаканы не были пустыми, наполняет их, угощает гостей. У него почётная задача – напоить свадьбу. Направляясь очередной раз к бочке, он подходит к нам и, гордый своей миссией, торжественно обращается с просьбой:

– Ну-ка, хлопцы, сыграйте для тракториста Яши «В траве сидел кузнечик».

Что тут поделаешь! По приколу подобрали момент, объявили, что, мол, для тракториста Яши исполняется популярнейшая песня и т. д. и т. п.

Через какое-то время наш знакомый снова подходит и с тем же выражением на простом лице просит:

– Мэй¹⁰, хлопцы, сыграйте для тракториста Яши «В траве сидел кузнечик»!

⁹ Рынд – череда, стадо коров.

¹⁰ Мэй (молд.) – обращение к мужчине.

А свадьба только разошлась. Тут «Пеленицу»¹¹ подавай, да «Ах, Одесса!». Ну, подождали мы, когда люди сядут закусить, объявили:

– А сейчас для тракториста Яши исполняется популярнейшая песня...

Посадили и нас, грешных музыкантов, за стол, угостили со всей широкой молдавской душой, напоили. Пошли мы дальше лабать, то есть работать – свадьбу веселить. Уже неопытная молодёжь, залитая по самые брови румянцем, нетвёрдо стоит на ногах, уже встал из-за стола крепкий дедок и выделяет разные кренделя, и тянет в круг городскую зазнайку. Уже лица хозяина с хозяйкой не такие напряжённые, как в начале, потому что свадьба гуляет, свадьба удалась, и не хуже, чем у людей. И тут подходит этот самый Яша, толкает себя в грудь полным графином и говорит со слезой и надрывом:

– Мэй, хлопцы, ну сыграйте для тракториста Яши «В траве сидел кузнечик»!

– Уважаемые гости, для тракториста Яши исполняется популярнейшая песня сегодняшнего вечера...

Заалела полоска рассвета, за столами остались самые стойкие и самые слабые, первые всё ещё пьют за здоровье молодых, вторые не могут подняться на ватные ноги. И тут мы слышим:

– Хлопцы, ну сыграйте для тракториста Яши «В траве сидел кузнечик»!

– Слышь, мужик, достал! Иди отсюда!

– Бэй¹², что вы за музыканты?! Даже не можете сыграть «В траве сидел кузнечик»! Э-э! Не умеете, так и скажи...

Я представляю расстроенного Яшу. Вот Коротня!

А Володя продолжает.

– В воскресенье возвращаюсь я с рыбалки на велосипеде.

– Это когда ты карпов привёз?

– Да. Рыба, килограммов восемь-девять, снасти. Усталый, кручу педали. За спиной километров десять, да впереди больше половины пути. Въезжаю в Коротню. Вдруг наперерез мужик. Грузный такой, ручищами машет, на лице глаза в испуге. Стой, кричит, сто-ой! Ну, думаю, тут или помощь моя нужна, или рыба. Останавливаюсь. Тот ко мне.

– Подвези до города!

– Мужик, ты в своём уме? Тут километров двенадцать! Я тебе что, такси?

– Подвези! Уже час маршрутку жду.

– Сто долларов!

Мужик на секунду задумался, подсчитал в уме сегодняшний курс и удивлённо спросил:

– А чё так дорого?

– Транспортное средство – эксклюзив и раритет. Почти антиквариат.

Тот почесал в сомнении репу. Подумал и принял решение:

– Не. Дорого.

– Ну, не хочешь – не надо.

– В другой раз, – услышал я позади себя удаляющийся голос.

Вот такой это удивительный народ – коротняне. Непонятный.

Или непонятый?

---

¹¹ Пеленица – зажигательный молдавский танец.

¹² Бэй (молд., простореч.) – то же, что мэй.

Вилы в бок

Почему-то считается, что музыканты народ несерьёзный. Когда я только задружилась с Володей, тут же нашлись доброжелатели. Они нашёптывали, советовали, рисовали моё ужасное будущее, предрекали конец света.

– Наверно, тебе наговорили обо мне чёрт знает что. Я же лабух.

– Да, добрые языки сказали, что ты переспал с половиной города.

Володя соглашается:

– Это правда! А другие полгорода – мужчины.

Только что ушли его друзья, я мыла и вытирала посуду, а Володя, пристроившись у открытого окна, сделал затяжку и стал меня развлекать очередной историей.

– Халтуры тоже разные бывают. Иной раз такого насмотришься... Игралы мы как-то свадьбу в дальнем селе.

Собрались обычным составом, ты уже всех знаешь: я – клавишник, мой лучший друг Саша Свотин – гитара, он самый молодой, Генка – на барабанах, на басу – Вася, наш руководитель. Вася очень серьёзный. Он умеет договориться с заказчиком, деньги себе не зажилит, делит честно поровну. Вася старше нас, к тому же он семейный и Генкины шашни с девушками на халтурах не одобряет. Я тоже, кстати, тоже против этих шур-мур. Хотя почему-то нас, музыкантов, считают народом ветреным. И меня, оказывается, в том числе.

Погрузили инструменты в присланный за нами «ЗИЛ». Сами поехали на Васиной «Ниве».

На месте мы разгрузили аппаратуру, установили стойки, подключили клавишу и гитары. Стали настраивать. А рядом два мужичка крутятся, да странные такие: молчаливые, насупленные, словно не на свадьбу пришли, а наоборот. Доски какие-то притащили – длинные, широкие, сороковка толщиной. Стали мужики наш балаган обшивать этими досками.

– Зачем это?

Те скалятся:

– Та недавно тут двух музыкантив выламы попротыкали.

– И что???

– Та нычого. Схоронылы.

Осмотрелись мы – а напротив дома – кладбище луна освещает. Саня прикинул:

– Удобно.

Мы согласились:

– Быстро.

– Вилы в бок и – через дорогу.

– «И никто не узнает, где могилка твоя-а-а...»

Нам – петь, а весёлые песни, как говорится, в горло не лезут. Настроение у всех – «мама, не ходите до ветру – там волки». Ну, ладно – хочешь-не-хочешь, а работать надо. Веселить.

Стал народ подтягиваться. Присмотрелись – один крив, другой хром, у третьего клык в небо торчит. Женщины такие, что у Генки на них глаз не загорается. Приглашаем к столу, а гостей-то и половины не набирается. Все поместились за один стол, другой стоит нетронутым. Невеста с женихом сидят – друг на друга не смотрят, повернулись в разные стороны. Что-то пошло у них не так, не весело им. Но наше дело сторона, играем дальше. Наконец-то, люди из-за стола поднялись – пошли в круг.

На свадьбах танцуют, кто как умеет, иной раз такие коленца выделывают...! И хоть кто-нибудь, да невпопад скачет. Вот все прыгают одинаково, а одна – сама по себе. Однажды я этим открытием поделился с Саней, с тех пор он уже с начала вечера выискивает глазами, кто? Так,

так, так... Есть! Один раз даже в микрофон крикнул. Случайно. И вот уже сколько лет – ни одной халтуры без этого не сыграли.

Пошли и здесь в круг. Ё-моё, да тут пол свадьбы не в ритм! Сانه на радость.

Отыграли мы первое отделение, хозяин с хозяйкой всех за стол пригласили, ну и нас тоже, с утра ж голодные. Чаще всего музыкантам приготовлен отдельный столик, но тут посадили в конце общего стола. Только стаканы в руки взяли, как слышим:

– Эй, музыканты, грайтэ, або гроши вэртайтэ¹³! Вашу мать!

Пошло колом. Но проглотили. В конце праздничного стола еды всегда поменьше будет. А время-то – девяностые, и так особо не разгуляешься. Ну, смели мы всё быстро. А надо сказать, что последней из гостей сидела злющая бабка в темном платке, с поджатыми губами и бородавкой на носу. За ней её половина – тот хмурый дедок с клыком. Рядом с бабусей – Генка, потом мы. Гена деликатно у неё из-под носа то одно блюдо возьмёт, то другое.

– Ген, передай шубу...

– Я тебе уже блинчики передал!

– Где? Нет тут никаких блинчиков.

А бабка-яга эта ест, а кости в Генкину тарелочку кладёт. Уж полно костей.

Дедок клык на неё наставил, зрачком завертел:

– Секлета, смотри, кому кости бросаешь!

Та губами презрительно чмокнула, ещё больше их поджала:

– А ничё. Музыканты всё съедят.

– ?

– ?!

– !

Сытые, мы повеселели. Жених с невестой тоже подобрали – им подарков столько привалило! Жених сиротой оказался, но при хорошем дяде. А тот – инспектор рыбхоза в рыбацком селе... Новый дом подарил новобрачным, а в нагрузку – «ауди».

Вроде наладилось... Играем гопак.

Народ пляшет.

Мы забываем всё плохое.

Тут, откуда ни возьмись, девица в нашу халабуду – шась!

– Спрячьте!

Мы, не отрываясь от дела, киваем:

– Туда, под чехлы лезь!

Той и не стало. Лежит там, плоская и тихая как мышь. Подбегают один за другим трое здоровенных мужиков, запыхавшись:

– Где... хыхы....

– Девка... хххы

– Тута пробегала... гыы... ыг-гы... ыг-гыы, – У этого в руках вилы.

– Туда! – махнули мы головами в сторону кладбища, – и... раз-два-три!: «Ты ж мэнэ пидманула, ты ж мэнэ пидвэла!».

Когда гости разошлись, чехлы зашевелились, из норки выглянуло пол-лица:

– Ребят, заберите меня с собой.

– Так мы аж из...

– Неважно. Я с вами. Хоть куда!

– Иди, в ту машину ныряй!

Инструменты погрузили в «ЗИЛ», отправили. Хозяин нам молча деньги сунул, ни спасибо, ни доброго слова, ни до свидания.

---

¹³ Грайтэ, або гроши вэртайтэ – играйте или деньги возвращайте (приднестровский суржик)

Возвращаемся домой. Глухая ночь. Едем вдоль лимана. Справа – камыши, слева – чёрный лес. Вася тормозит.

– Ну, подруга, чем расплачиваться будешь?

– Так у меня ничего... даже сумочки...

– Тогда натурой.

– Ребят... – нытьё, хлюпанье носом.

– Раздевайся, давай!

– ... БІ-х-ыы...

– Чем же ты, дура, думала, когда ночью в машину к четырём здоровым мужикам садилась?!

– ...ы-х-ыы...

– Мозгов, что ли, нет совсем?

– ...ы-х-хыы

– Да она, видать, вообще стрёмная по жизни!

– ...ы-ххыыы!

– Так вот, запомни, чтобы это тебе уроком было! Поехали. Не реви. Нормальные мы. Видно, ремня тебе дать некому!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.